

М. С. Григорьев, участник СВО, председатель Международного общественного трибунала по преступлениям украинских неонацистов, член Общественной палаты РФ

«На Запорожском направлении»

— Парни, для информации. «Химарь» летит со скоростью две тире три тысячи кмэ в час. Ну, плюс-минус, смотря какая там ракета. Понял, да? До «немца» примерно будет 25, ну, 35 кмэ, смотря, как страх потеряют, куда установку подтащат, мы их сейчас тоже щемим по полной. Понял, да? С того момента, как нас срисует укровская «птичка», примерно как наша, лететь «Химарю» до нас меньше минуты. На прошлой неделе по расчету из соседнего подразделения «Химарь» прилетел. Два — 200, один — 300. Понял, да?

Все это техник расчета БПЛА с позывным «Добрыня» выдал нам, когда мы ехали на запуск большой «птички». Сам техник был среднего роста, как говорят, «уже немолодой», но массивный, мускулистый и «повидавший» — с небольшими перерывами он воевал с 2014 года, в том числе и «в штурмах». Он действительно похож на Добрыню Никитича в картине Васнецова «Три богатыря». Было видно, что свою речь он говорит не в первый раз.

— Вы люди взрослые, сказать я вам обязан, а как дальше будете делать — дело ваше. Ваши жизни и, что тоже немаловажно, судьба дорогого беспилотника — в ваших собственных руках! — Все это не было сказано вслух, но отчетливо читалось в спокойном тоне и уверенном выражении лица Добрыни.

Всем своим видом он показывал: потери на войне никого не удивляют, каждый понимает, на что идет. Но каждый должен сделать все, чтобы выполнить боевую задачу и по возможности эти потери — хотя бы в виде самого себя и своих боевых товарищей — минимизировать.

— Наша задача: на поле приехали-качнули-запустили, сразу с поля смотались. 100 метров «птичка» набрала, и уже это ответственность операторов, они ведут. Понял, да? — уже вслух подвел итог Добрыня.

Наши беспилотники были самолетного типа, с крыльями больше трех метров. Такие летают по 3—4 часа, радиус действия под 100 километров. Запуск — с катапульты, посадка — с парашютом. В составе специальной бригады я занимаюсь воздушной разведкой. Выявление и разведка целей, корректировка артиллерийского и ракетного огня, контроль огневого поражения — это все к нам. Кроме командования, большинство личного состава бригады делится на две группы — операторы и техники. Это примерно как в авиации — летчики и техники. Операторы управляют «птичками», или «бортами», а техники отвечают за их работу, обеспечивают взлет и посадку. Каждый оператор в начале службы должен отработать несколько недель техником — традиция.

Наш расчет БПЛА дислоцировался в одном из небольших населенных пунктов на запорожском направлении. Вокруг него находились поля, с которых мы запускали и куда сажали наши «птички». На наших электронных картах в НСУ, наземной станции управления, с которой мы и управляли беспилотниками, значилось поле «Дальнее». Еще было «Ближнее», «Длинное», «Овраг», «Зеленое», «Грязное» — можно было догадаться, почему их так называли. Названия других полей — «Сочи», «Киев», «Клондайк», «Да

назови как хочешь» — были уже предметом фантазии операторов. Как бы сказали ученые, так исторически сложилось. Проще говоря, кто-то когда-то так назвал и так осталось на картах.

«Дальнее» находилось дальше от операторов, но ближе для посадки возвращающейся «птички». Это значит, что она дольше может быть в воздухе и глубже может залететь на территорию противника. У каждого расчета таких полей семь-восемь, а само место запуска и посадки все время менялось по уже проясненным нам Добрыней причинам: нас могли «вести» и после чего прилетали ракеты американской реактивной системы залпового огня HIMARS, в простонародье — «Химарь». Самое неприятное, если и они будут с кассетной головной частью. Тогда в каждой ракете будет почти семь сотен кумулятивно-осколочных боевых элементов, превращающих в решето все, до чего они долетают.

Обязательная процедура перед взлетом — проверка оборудования «борта». Чтобы «не светиться» на поле лишнее время, большая ее часть проводилась в стороне от места запуска. Через пару недель во время одной из таких обычных процедур около нас остановилась военная машина, вышел боец и, пожав руки, сказал: «Вы, парни, аккуратнее. Я тут месяц назад восемь мин снял». Мы сказали «спасибо» и переглянулись: если бы они здесь еще были, то нас бы уже не было. А раз мы еще есть, значит, мы можем закончить начатое. Все понимали, что времени терять было нельзя — от нас срочно ждали результаты разведки цели, а машина реактивной системы залпового огня по команде «старшего начальника» уже начинала выдвигаться для «работы». Как и для нас, для нее стоять на месте было опасно — противник так же, как и мы, вел воздушную разведку, и на его территории ждали примерно такие же, только американские, нацеленные на нас системы залпового огня.

В населенном пункте, около которого работали наши расчеты, мы жили в обычных многоэтажных домах. Чтобы не привлекать особого внимания, операторы и разные смены техников располагались в разных домах. В квартире парни из расчета встретили нас радушно: «Располагайтесь в свободной комнате, еду берите любую — в холодильнике или на балконе, — все общее». Снабжение разнообразными продуктами питания Министерство обороны наладило по полной программе — все выдаваемое съесть не было никакой возможности. Кстати, выданная форма на все случаи жизни была тоже на уровне. Те, кто хотел быть похожим на бойцов сил специальных операций, покупали желаемое за собственный счет. Заработная плата, а точнее — денежное довольствие участников СВО, была более чем достаточной для приобретения и снаряжения, и одежды, и, как часто говорят тут, различных «вкусняшек». Что-то заказывали доставкой, а что-то покупали в местных магазинах. Владельцы этих магазинов очень быстро стали богатыми, по местным меркам, людьми. За квартиры регулярно вносилась арендная плата, оплачивались коммунальные услуги. В самих квартирах появлялись микроволновки, стиральные машины, телевизоры, посуда или мебель. При смене дислокации купленное барахло или шмурдяк никто с собой не брал — все оставалось владельцам.

Большинство из тех, кто воевал в нашем подразделении воздушной разведки, — добровольцы. Все эти люди самостоятельно решили, что должны идти на СВО. Многие «заходили» уже не первый раз — после окончания первого контракта и небольшого

перерыва подписывали новый. Признав опыт отдельного специального подразделения успешным, Министерство обороны направляло в него все больше кадровых военнослужащих. Абсолютное большинство из них были готовы учиться новому для них делу.

Таким был недавно прибывший лейтенант Сеня. Звали его, конечно, Александр, но все называли его просто Сеня. Как и многих на СВО, у него усы и небольшая борода, зато голова была подстрижена налысо. На все вопросы он без долгих рассуждений отвечает, что так удобнее. Когда он улыбается, виден один из зубов, чуть в глубине. Это придает ему хитроватый и одновременно удалой вид. Характер у него шепотной — он легко берется за выполнение любых задач, часть из которых придумывал себе сам, но до конца доводил не все. Это свойство незаконченности проявляется у него во всем, даже в недоделанной на плече татуировке. Как минимум несколько раз в час его обычное позитивное настроение прерывается страшными ругательствами как по серьезным, так и по совершенно незначительным вещам. Через несколько секунд его лицо снова приобретает свое обычное улыбочное состояние. Если его ругает начальство, он искренне признает свою вину, даже если не виноват. Если ругают свои, он просто говорит: «Посмотри на мое честное бородатое лицо. Прости, брат». Дальше он улыбается, и ругать его нет никакой возможности.

Но, как говорится, в семье не без урода. Начальник расчета БПЛА артиллерийской бригады был лет сорока, с намечающейся лысиной и округлым животом. Он приехал для обмена опытом. Как быстро выяснится, обмениваться опытом он не собирался. Управлять беспилотниками он не умел и не хотел. На вопрос парней, как он будет выполнять боевую задачу, ничуть не смущаясь, сказал, что на это есть операторы, которыми он будет руководить. Две недели, почти все время стажировки, он проведет на кровати с телефоном, не задавая вопросов и не пытаясь ни в чем разобраться. Оживлялся он только во время обсуждения выплат денежного довольствия и продвижения по службе. Его жизненная позиция была ясной, логичной и гармоничной в своей законченности — как получше устроиться на СВО и по возможности ничего не делать. В целом он походил на мышку, которая ищет теплую и сытную норку, куда можно забиться, радуясь тому, чтобы его никто не трогает. Сразу по приезде «мышки» Сеня наметанным военным глазом увидел у него автомат АК-12, которым Министерство обороны снабжало новые части. Взяв его в руки и отвернув в сторону от людей, лейтенант снял его с предохранителя. Точнее, попытался снять, но предохранитель был намертво припаян ржавчиной:

— Как же ты будешь пользоваться личным оружием? Из него же нельзя стрелять?

Стало ясно, что за все время службы оружие не только не «прибили» — так называли пристрелку автомата, но и вообще ни разу не попытались снять с предохранителя. Для всех нас авторитет «мышки» опустился ниже плинтуса. Он стал редким плохим исключением из самых разных людей на СВО. Ни до ни после еще одного такого встретить не удалось. И слава Богу.

В 1945 году вышел фильм «Небесный тихоход». Тот самый, в котором поют «Первым делом, первым делом — самолеты, ну а девушки, а девушки — потом» и «Дождливым вечером, вечером, вечером, когда пилотам, прямо скажем, делать нечего». Тогда дождь был серьезным препятствием для авиации. Сейчас он, как и туман с низкой

температурой, — препятствие для работы беспилотников, по крайней мере таких, как у нас. Отсутствие боевой работы вызывает у всех расчетов как минимум досаду. Все «заточены» на результат, иногда летают по 20 часов в сутки. Но делать нечего — после взлета в таких условиях «птичку» можно просто потерять.

В один из таких дней, когда, к всеобщей досаде, работать было нельзя, мы поехали к моему доброму знакомому — командиру одного из добровольческих отрядов «БАРС». Приехав в штаб, на стене под надписью «Навечно в строю» мы увидели фотографии бойцов его отряда, погибших на фронте. На другой стене висел плакат «Воин, помни! Главная твоя задача — убивать врага! Хохол сам себя не убьет!»

Я, конечно, задумался: не слишком ли прямо? В голову пришло знаменитое стихотворение Константина Симонова времен Великой Отечественной: «Убей его!»

— Не тебе ли мариупольцы рассказывали, как на их глазах падали застреленные снайперами «Азова» дети? Лучше меня ведь все знаешь ... — Все это было сказано командиром «БАРСа» спокойным профессорским тоном. Из всех нас, наверно, только я знал, что у большого бородатого и мускулистого мужика со «стечкиным» в кобуре несколько написанных им книг и научная степень. Как у большинства добровольцев, его участие в войне было многократно обдуманым шагом, а формулировать свою мысль он мог лучше многих.

Командир «БАРС» продолжал:

— Эта звериная вражда хохла к русским ничем не меньше, чем у нацистов и оуновцев¹ во время Великой Отечественной. Отмечу отдельно, что эта ненависть не только к тем, у кого есть российский паспорт. Эта ненависть просто к русским, которые хотят ими остаться, даже если они родились на Украине.

Отдельно прошу обратить внимание на то, как на Украине сейчас прессуют и издеваются над русскими и как мы относимся к людям украинской национальности: в России никто им слова плохого не скажет, украинцы — такая же часть российского народа, как и остальные. Симонов, когда писал «убей немца», не говорил о «мирняке» — о немецких женщинах и детях. Он писал: убей вооруженного немца — врага.

— Так и для нас «хохол» — это не украинец. Ты же знаешь, у меня треть отряда украинцы. «Хохол» — это солдат ВСУ или сотрудник их спецслужб, это — враг, воюющий против нас и нашего народа — с оружием в руках. И не важно, где он убивает русских — на Донбассе, в Одессе или Киеве. И пока этот враг с оружием в руках, наша задача — найти и убить его в честном бою.

Тогда я подумал, что на войне по-другому быть и не может. Мне вспомнилось, что во время Великой Отечественной Симонов назвал свой стих «Убей его!» и только после победы переименовал в «Если дорог тебе твой дом...». Думаю, и мы после победы в СВО будем говорить по-другому. Но будет это только после победы, а до этого времени еще далеко...

1 ОУН — экстремистская Организация украинских националистов – пособников нацистов и организаторов массовых убийств русских, поляков и евреев во время Великой Отечественной войны и украинцев после нее. После объявления независимости Украины в 1991 году организация продолжила свою работу, а ее боевики после 2014 года совершили множество преступлений на Донбассе

— Ветер с востока на запад! Развернись влево! Еще левее! Стоп! Плита стоит, наедь колесом! Катапульта стоит! Небо — земле! На приеме! Готовы запитаться! Запитывай! Лови-лови! Поймал! Бугели выдвинул, лопасти расправил! К проверке готов! Начинаем! Элевоны вниз! Низ есть! Элевоны вверх! Верх есть! Элевоны нейтраль! Нейтраль норма! Готов прикрыть! Прикрой-прикрой! Прикрыл-прикрыл! Отпускай! Зажми! Зажал-зажал! Отпусти-отпусти! — На следующий летный день техники и оператор мобильной системы управления на поле говорили отработанными до автоматизма командами.

Отработанный запуск большой «птички» никак не мешал обдумывать утренний приказ старшего начальника — обнаружить и обеспечить корректирование огня для уничтожения недавно переданной на Украину из Вооруженных сил Германии РЛС контрбатареи борьбы COBRA. В силу своей стоимости в десятки миллионов евро у самих немцев таких установок было не больше десятка. На Украину они отдали одну, но и одна наносила серьезный ущерб. Как только наши орудия открывали огонь, немецкая РЛС с дальности в 40 километров в течение пары минут определяла их координаты и в автоматическом режиме отправляла данные на реактивные установки залпового огня или артиллерию противника, которые уже начинали стрелять по нашим.

Как и всегда, запуск «борта» был отработан по секундам — все понимали, что от четкости и скорости проверки зависит не только успешность запуска, но и собственная безопасность. Если бы их обнаружил беспилотник противника, мог последовать прилет американских ракет со стороны ВСУ: расчеты БПЛА противник рассматривал в качестве приоритетных целей.

Как мне пришлось неоднократно убедиться, никогда не надо недооценивать противника — надо всегда держать в голове, что противник может делать ровно то же самое, что и ты. Много позже, запуская дроны-«камикадзе» с линии боевого соприкосновения на одном из участков фронта, я «летел», взяв за ориентир несколько хорошо видных с высоты лесопосадок. Пока я «летел» в сторону украинского опорника, парни, с которыми мы были в одном окопе, поймали на мониторе чужой видеосигнал — он шел с видеокамеры дрона-«камикадзе» противника. Летел он точно так же — над той же самой лесопосадкой. Только в нашу сторону.

Никому из нас и в голову не пришло отойти в сторону — движущиеся объекты сверху намного виднее, а противник не жалеет дронов даже на одиночных бойцов. Перемещение группы привело бы к неминуемой атаке. Рядом нас было уже с десятков снаряженных для запуска наших «птичек» с «морковками» — кумулятивными гранатами для ручного противотанкового гранатомета. Если бы это знал украинский оператор дрона-«камикадзе» — удар последовал бы мгновенно. Впрочем, даже без этого, не найдя более интересной цели и на исходе аккумуляторов, дрон-«камикадзе» противника мог бы ударить в окоп, даже не видя нас. Но в тот раз «птичка» противника пролетела мимо.

Но все это было много позже обычного запуска БПЛА, а тогда техники ставили катапульту так, чтобы пуск, как обычно, происходил против ветра. «Прикрой-прикрой» и «зажал-зажал» — это про датчик воздушного давления: он нужен для вычисления высоты, скорости и многого другого.

— К проверке магнитометра готов! 90! Есть 90! 90! Есть 90! 90! Есть 90! 90! Есть 90! — По этой команде техник вместе с «бортом» каждый раз поворачивался на 90 градусов, а оператор проверял, правильно ли системы беспилотника определяют его направление.

— Бойся-бойся! Боюсь-боюсь! Крен-тангаж! Норма! Качаю! — После этой команды включалась помпа. Когда давление в катапульте достигало нужной величины, техник убирал предохранитель и производил запуск «птички». «Бойся-бойся» означало запуск двигателя и воздушного винта. Думаю, что автор этих слов останется для истории неизвестным, но они — как народная молва — будут исправно передаваться от одних техников к другим еще многие годы. Эти несерьезные слова несут серьезный смысл — вращающиеся лопасти винта без труда могут перерубить пару пальцев замешкавшегося техника.

— Набор наблюдаю! Горизонт! На связи! — После этих слов беспилотник «вели» уже операторы наземной станции управления. Они выявляли цели, вели наблюдение за ними, корректировали огонь, фиксировали огневое поражение целей и проводили их доразведку.

После трех с лишним часов полета — все это время боевую работу вели операторы — в дело снова вступали техники. Именно они выбирали место посадки, уже на месте определяли ветер — против него операторы заводили «борт». Наблюдая за его снижением, они давали команду «Наблюдаю, прими влево», «Прими вправо» или «Так держать». И когда «птичка» пролетала над ними, следовали команды «Приготовиться!» и «Давай-давай». После этих слов операторы наземной станции управления открывали парашют, беспилотник переворачивался на «спину» — дорогой видеокамерой вверх — и садился на парашюте. Техники забирали его с поля, проверяли, а затем процедура повторялась — и «Боюсь-боюсь», и «Давай-давай» помногу раз в день. Бывало, в особенно напряженные дни расчеты единственной в Вооруженных силах РФ бригады беспилотной авиации летали по восемнадцать — двадцать часов в сутки.

В 1880 году русский художник Архип Куинджи написал картину «Лунная ночь на Днепре». На картине — зеленоватый сказочный Днепр, в котором отражается лунный свет, а другой берег реки в полутьме сливается с темным небом.

Когда наш беспилотник летел над Днепром, никакого цвета мы, конечно, не видели — мы смотрели на него через черно-белый тепловизор. Зато на воде были прекрасно видны украинские моторные лодки, за каждой из лодок — расходящийся в стороны треугольником тепловой след. ВСУ доставляли на наш берег свой «личный состав». Точнее, пытались доставлять, но сколько из них доплывало? В голову приходит фраза мэра Киева Кличко: «Не только лишь все». И так, доплыть вэсэушники могли «не только лишь все».

Несмотря на то что нашей основной целью была немецкая СОБРА, другие задачи для нас никто не отменял. В ходе каждого вылета нам давали по пять-шесть объектов на расстоянии десятков километров друг от друга. Кроме этого, мы вели разведку всех интересных целей, которые обнаруживали по пути следования. Одними из таких были лодки противника.

После их обнаружения следовало короткий, но емкий диалог нашей воздушной разведки, начальника артиллерии и расчета орудия о высадившихся боевиках ВСУ:

ДРОЗД: Наблюдаем лодку на п. 21.
НОРИЛЬСК: Сопровождайте.
ДРОЗД: 8 «немцев» высаживаются на п. 23.
НОРИЛЬСК: Уничтожить. Пустыня в работу.
ПУСТЫНЯ Д-30: Есть.

После поражения цели осколочно-фугасными снарядами следовал доклад.
ПУСТЫНЯ Д-30: Общий расход — четыре ОФ. Три в район цели.
ДРОЗД: Лодка повреждена. На п. 21 наблюдаем 4 тепловые сигнатуры без движения.

Эти доклады подтверждались и радиоперехватом.
ПИРАТ: Сирко, сколько 502? Сколько 503?
СИРКО: Четыре 502. Четыре 503. Чайка повреждена. Когда эвакуация?
ПИРАТ: Сирко, не паникуй. Через 40 малых подвезут еще 10 карандашей.

Это означало, что находящийся на нашем берегу в фактической западне украинский командир с позывным «Сирко» докладывал об убитых и раненых, поврежденном катере и просил эвакуации. В ответ ему предлагали не паниковать и сообщали, что через 40 минут ему подвезут на верную смерть десять новых вэсэушников, или «карандашей».

На следующей неделе наш расчет выполнил десятки задач, но немецкую РЛС обнаружить не удавалось. Наша радиоэлектронная разведка давала примерный район ее работы, но через 40 минут «немцы» снимались и к моменту нашего подлета прекращали работу.

Охоту на СОБРА начал оператор с позывным «Волонтер». Тут надо объяснить, что многие будущие участники СВО начинали с «гуманитарного фронта». Они собирали средства на помощь подразделениям, находили им машины, закупали бронежилеты, дроны, делали на своих 3D-принтерах сбросы для гранат, организовывали концерты бойцов, а самое главное — бесстрашно приезжали в достаточно близкие к линии боевого соприкосновения районы. Эта помощь бойцам была важна не только самой помощью, но и самим фактом внимания к ним. Началось это с «Русской весны».

Я помню, когда Донецкий аэропорт еще не был нашим, около крайней к нему девятиэтажки командир батальона «Сомали» Гиви рассказывал мне, как им приходят носки, шарфики, свитерочки и варенье от женщин со всей России. Уже тогда начало формироваться это сравнительно новое для современной России, патриотическое гражданское общество. Оно было не менее, а для многих и намного более важное, чем то, что с 90-х годов насаждалось у нас как копия западного гражданского общества по принципу «раз у них есть такие организации, значит, и у нас должны быть». Многие из этого нового патриотического гражданского общества начинали волонтерами, а потом и сами брали оружие в руки. Их пассионарная «волонтерская» натура требовала не просто помогать, но и быть тем, кто своими руками сейчас творит, каждый на своем уровне, историю России, о которой потом будут рассказывать нашим детям и внукам.

Именно таким и был Волонтер. Еще со школы активный, бескорыстный, для которого своя совесть и идеалы были важнее любых обстоятельств, что, конечно, не

очень помогало ему в жизни. Начав с гуманитарной помощи Донбассу, он быстро перешел из статуса волонтера в добровольца. На СВО он «заходил» уже не первый раз — это был второй его контракт. За свой собственный счет он покупал еду новым членам расчета, которым еще не успели перевести полагающееся им вполне приличное, но приходящее в строго определенные дни месяца денежное довольствие. На вопрос «А как же семья?» он, ни минуты не сомневаясь в собственной правоте, отвечал: «Семье же на еду хватает, а парни как будут?» Многим в стране до сих пор кажется, что таких, как он, очень мало, но на самом деле их очень много и становится все больше.

Именно Волонтер предложил организовать посменное дежурство нескольких «птичек» в воздухе. Однажды, как только наша радиоэлектронная разведка передала, что COBRA начала работу, именно его беспилотник оказался поблизости от нее. Через десяток минут в тепловизионную камеру с «борта» стала видна стоявшая в лесопосадке длинная установка с восемью колесами, в задней ее части было ярко светящееся пятно. Этим пятном была хорошо нагретая антенна с активной фазированной решеткой, состоящей из тысяч передающих и принимающих модулей из арсенида галлия.

ДРОЗД: Наблюдаю объект в посадке, COBRA идентифицирована. X = 5178740 Y = 6460047.

НОРИЛЬСК: Дрозд наблюдайте. Тубус — уничтожить.

ТУБУС: Принял к поражению.

В этот момент готовой к открытию огня и подходящей по расстоянию до немецкой РЛС была лишь реактивная система залпового огня «Торнадо» с позывным «Тубус». Она немедленно выехала на место пуска и открыла огонь, но при всем стремлении поразить цель вовремя это заняло больше десяти минут.

ТУБУС: Первые пошли.

НОРИЛЬСК: Дрозд корректируйте.

ДРОЗД: Север 100, запад 30.

Это означало, что средняя точка попадания тройки пристрелочных ракет была на сотню метров в сторону к северу и на тридцать метров к западу в стороне от цели. Через пару минут на позицию COBRA пришла уже половина пакета РСЗО — двадцать штук. Ракеты накрыли целый квадрат и не оставили никакого шанса для поражаемого объекта.

Но к этому моменту самой РЛС уже там не было — она засекла пуск ракет, мгновенно рассчитала точки их прилета, и расчет понял, что они и есть цель. За пару минут COBRA «свернулась» и на полной скорости покинула место, на которое пришелся уже бесполезный удар.

ДРОЗД: Объект наблюдаем, уходит по гражданской автостраде в сторону Николаева. Работает РЭБ противника, управление «бортом» потеряно.

Зафиксировав потерю управления от работы украинских систем радиоэлектронной борьбы, автоматические системы большой «птички» через несколько минут развернули ее на обратный путь. Через десяток минут украинские РЭБ уже не доставали до нее, управление было восстановлено, но искать немецкую систему было

бесполезно: она наверняка пряталась в каком-то из гражданских объектов — прикрываться мирными было постоянной тактикой ВСУ. Охота продолжилась.

Заряда аккумуляторов беспилотника оставалось еще на два часа лета, и старший начальник передал новую цель: наблюдение за предположительным пунктом временной дислокации противника.

Подлетев к объекту, Волонтер доложил:

— Наблюдаю гражданский дом с бассейном в центре поселка на территории противника. Во дворе три гражданские машины. Заезжает военный пикап.

У лейтенанта Сени сомнений не было:

— Сто процентов ПВД противника. Они как раз в самых богатых домах размещаются. Выкидывают мирных оттуда. Надо подавать на поражение, сейчас ракетой отработают по нему. — Сеня, как всегда, был по-военному решительно настроен.

— Военных, кроме одного пикапа, не наблюдаем. Давай подлетим ближе. — Волонтер задает на дисплее наземной системы управления новую точку, куда покорно летит большая «птичка». Ближе к цели она начинает описывать круг, а оператор активирует режим автоматического захвата камерой интересующего объекта — вне зависимости от положения «птички» камера всегда направлена на него.

— Я прямо чувствую ПВД «немцев». Подавай на поражение, — настаивает Сеня. — Там мирных нет. Одни военные. Все мирные уехали. Даже если есть, а к ним военные ездят — это по-любому враги. Они нас ненавидят. Надо бабахнуть.

Но у Волонтера была ясная и четкая позиция, с которой его было не сдвинуть:

— Сеня, среди этих мирных внизу точно есть те, кто против нас. Они думают, что Украина существовала еще при Риме, что они выкопали Черное море, рисуют на иконах Степана Бандеру и уверены, что если бы не было России, то у них было бы как в Швейцарии.

Сказав это, он нашел на карте в наземной системе управления видные с камеры беспилотника длинные теплицы на отшибе села, над которым мы пролетали. С помощью этого системы борта понимали свое точное местоположение даже при заглушенных спутниках. «Привязываться» к земле необходимо каждые пять—десять минут. Подозреваю, что примерно тем же занимались штурманы самолетов прошлого века.

Волонтер спокойным, но уверенным голосом продолжал:

— С 1991-го украинцам так промыли мозги, что часть из них нас ненавидят, — кивая на изображение домов с видеокмеры беспилотника.

— Они бы с удовольствием выбивали бы из-под нас с тобой табуретки, а может, и петельку и тебе, Сеня, и мне на шею накидывали. Но даже эти люди, пока не взяли оружие в руки, пока не стали действовать против России, — мирное население. В этом-то и наше отличие от них. Они с 2014 года стреляли на Донбассе по «мирняку», сжигали людей в Одессе, пытали и убивали тех, кто пытался им возражать. Но мы такими зверьми не хотим быть и не будем. Лучше мы упустим военный объект, чем убьем гражданских. А сюда завтра еще прилетим, если убедимся на 100 процентов, что тут ВСУ, тогда уж... — Он с силой хлопнул открытой ладонью правой руки поверх сжатой в кулак левой. — А пока разговор закончен, — жестко подвел черту Волонтер.

Позже Волонтер рассказал мне историю Сени.

Со скоростью больше двух тысяч километров в час американская ракета летела на русскую радиолокационную станцию. В ее боевой части было почти 70 килограмм взрывчатого вещества — попадание в нашу РЛС не оставляло ни для нее, ни для расчета операторов в небронированной кабине никаких шансов. Удар наносил украинский экипаж на польском МиГ-29 — большая часть собственных самолетов Украины уже была уничтожена, и Польша — давний враг России — отдала ВСУ более десятка таких самолетов.

Целью американской ракеты была наша трехкоординатная радиолокационная станция «Небо» — она могла на расстоянии в много сотен километров засекать самолеты и ракеты противника и в автоматическом режиме выдавать их координаты для системы ПВО. Это означало, что расчет РЛС прекрасно видел не только МиГ-29 ВСУ, но и пуск ракеты, а через несколько секунд уже понимал, что это именно американская AGM88 HARM и летит именно к ним и по их души.

— Можешь себе представить, сидят в кабине управления три молодых парня двадцати с чем-то лет, которые только-то жить начинают, и вдруг понимают, что ракета летит прямо в них, — рассказывал Волонтер. Его рука с остро заточенным карандашом в это время нацелилась на центр стола, а затем быстрым движением ударила по нему, а он продолжал: — Парни все уже понимают, у них все на дисплеях — и координаты ракеты, и скорость, и знают уже, какая именно ракета по ним летит. Ни отключить РЛС, ни выбежать из кабины они не могут. Все понимают, что станция не сама по себе: она — «глаза» для системы ПВО, которая прикрывает наши города. Ее не просто так хотят уничтожить — это начало атаки. Сначала выбивают РЛС, а потом запускают ракеты из реактивной системы залпового огня. Помнишь, как украинцы ударили по Белгороду из чешских РСЗО «Вампир»? Тогда большую часть ракет удалось сбить, но даже несколько, что прорвались, убили двадцать пять мирных, а ранили вообще под сто. А там и женщины, и дети. Так и здесь, без РЛС с работающим расчетом на месте не сможет действовать ПВО, не отработает ПВО — умрут мирные люди. Поэтому и сидел расчет вместе со своим командиром — лейтенантом Сеней до конца. Уже к смерти готовились — ракета подлетала, оставалось пять секунд. Попрощались только парни друг с другом — никто даже не думал выключить РЛС или уйти с операторского места. Слава Богу, успела наша ПВО в последний момент сбить американскую ракету.

В этот момент я осознаю, что тот, кого я считал просто шутливым хорошим парнем, — настоящий герой. Совершенно такой же, как те, о которых мы смотрели фильмы про Великую Отечественную. А наши дети, как и мы когда-то, будут смотреть фильмы про то, что делают сейчас мои боевые товарищи.

— Сеня, Волонтер мне рассказал про твой подвиг, ты просто красавчик, — говорю я. — Тебе минимум «мужика» (орден Мужества) за это надо давать.

— Ну какой это подвиг, мы делали то, что были обязаны по инструкции делать. А орден... ну, может, еще дадут за что другое, — отвечает он.

Как ни старалось Министерство обороны быть справедливым, награды очень часто были... непростой темой. Очень многое зависело от случайности — успели подать или нет, не поменялся ли командир, который знал о том, что ты сделал, а новый не знает, не слишком ли много уже наград за эти месяцы получило твое подразделение и множество других субъективных причин. Но практика показывала, что достойных

людей, как правило, награды рано или поздно находили. Главное, чтобы к этому моменту они были живы.

Пока техники запускают «птичку», операторы готовятся к полету: включаем НСУ — наземную станцию управления, вводим координаты расположения антенны, место старта, включаем пульт управления видеокамерой БПЛА, выставляем флажок определения положения по инерциальной навигационной системе, а не по спутникам, которые на нашей территории глушим мы, а на чужой территории — противник, выставляем на максимум мощность передатчиков — для перехвата управления от мобильной системы управления к наземной и до набора высоты ничего не должно мешать бесперебойной связи. Конечно, не забываем предупредить нашу ПВО, чтобы она знала, что лететь через определенный ей «коридор» мы будем ровно через 20 минут.

К этому моменту «птичка» уже в воздухе — включаем модем, антенну в сопровождение, проверяем влажность, задаем крейсерскую скорость и время ожидания до возвращения в случае потери связи, уменьшаем мощность передатчика, чтобы не демаскировать «борт» для РЭР противника, и ставим первую точку полета. Это — тот коридор, через который мы летим на территорию противника и который обозначило наше ПВО, чтобы случайно нас не сбить.

Как всегда, на несколько часов полета для разведки мы получили много целей. Вскоре после того, как мы оказались на вражеской территории, на нас вышла наша радиоэлектронная разведка — COBRA снова начала работу. Два луча из разных мест с нашей территории пересекались на карте на территории противника. Именно оттуда и шел сейчас сигнал «немцев». На подлете к ней по нам начинает работать РЭБ противника — управление БПЛА заблокировано. Раз за разом мы меняем частоты управления, переходим на ППРЧ — псевдослучайную перестройку рабочей частоты, когда частоты системы управления скачут по всему доступному диапазону, но связь не восстанавливается. Украинские, а может, и натовские операторы РЭБ хорошо оберегали свою COBRA.

Через десяток минут автоматически вставший на обратный курс «борт» выходит из радиуса действия украинской РЭБ. Управление восстанавливается, и нам удается с другой стороны и на другой высоте подлететь к лесопосадке, координаты которой нам передала радиоразведка. Там явно что-то было — мы видим следы колес на поле, вырубленный кустарник, — позицию явно готовили заблаговременно. Но сейчас немецкой РЛС нет. Не успели. Охота продолжается.

Вечером «солдатское радио» передало нам грустную новость: погиб приехавший к нам на стажировку начальник расчета — тот самый, с неработающим автоматом, который он ни разу не удосужился снять с предохранителя. Как он ни хотел быть в стороне от боевой работы, но по приказу командира ему все-таки пришлось выехать на старт их беспилотника. Думая о себе, а не о своем расчете, он не стал дожидаться старта, а отошел подальше — на край поля. Как пишут в романах — «роковая случайность»: именно туда и попала большая часть от кассетного боеприпаса ракеты противника. Беспилотник же успел стартовать, а у техников, что его запускали, ни одной царапины. Жизнь любит преподносить сюрпризы. Весь год человек бегал от опасности, искал, где теплее и посытнее, — и нашел свою смерть. Другие же, которые каждый день подвергали себя опасности, — без царапины.

Такой случай был на моих глазах еще в 2015 году. Моей задачей тогда была фиксация украинских нарушений Минских соглашений — сейчас даже не верится, что это когда-то кого-то серьезно волновало. Тогда еще Мариуполь был не наш, но на пути к нему было село Широкино, которое было под нами. В одном из штабов нам сказали, что ситуация там достаточно спокойная, и мы выехали к нему с одним из уже бывалых гуманитарщиков — хорошим парнем, много сделавшим для общего дела, а сейчас собравшим своих знакомых ополченцев мне в помощь. Когда мы приехали, как часто бывает на войне, все было по-другому — по селу регулярно работала артиллерия противника, а когда мы в него зашли, вокруг начали посвистывать пули. Кажется, они уже были на излете, а может, и нет — не помню. С точки зрения штаба отсутствие украинской атаки на село прямо сейчас и означало, что ситуация была спокойная. Через несколько месяцев неонацисты из «Азова» все-таки взяли Широкино, и освобождали его наши войска уже на СВО.

Но тогда, в первый раз, когда мы были в Широкино особенно разрушена была та часть села, которая была на прямой видимости противника — до нее было меньше километра. Как сейчас помню, что на мое предложение идти на «передок» — передний край обороны — и выполнить задачу по фиксации украинских нарушений Минского соглашения бывалый гуманитарщик снисходительно улыбнулся:

— Максим Сергеевич, вы идите, а я вас здесь пока подожду. — В его глазах я явно выглядел идиотом, который сам идет в регулярно простреливаемое и хорошо наблюдаемое противником место, когда есть возможность туда не идти. На мою фразу о том, что именно это и есть поставленная задача, он с мягкой улыбкой ответил: — Ну, это же ваша задача, а не моя... Вы идите, а я вас тут подожду.

Мы пошли вдвоем с местным проводником — ополченцем с позиций в самом селе. Как только мы появились в наиболее разрушенной части села, украинцы открыли по нам огонь из станкового гранатомета АГС-17. Помню, как ополченец меланхолично отметил:

— А вот это по нам, надо бы идти.

Он сказал это мягким и невозмутимым тоном, даже особенно не настаивая, хотя ситуация к такому спокойствию уже не располагала.

Мы двинулись к ближайшим домам, стараясь уйти быстрее от «глаз» противника, которые и наводили на нас огонь — тогда вездесущих «птичек» еще не было. Разрывы гранат становились все ближе, и к домам мы уже бежали.

Придя на точку встречи, мы увидели там пятерых раненых из числа приехавших с нами. Им уже оказывали первую помощь: «Буторфанол колоть в другую конечность от раны». Это были и средние, и тяжелые ранения, а гуманитарщику в госпитале даже чуть не ампутировали несколько пальцев. Помню и случайно услышанные слова одного из раненых ополченцев: «Наших пятеро раненых, а этому, из Москвы, кто на «передок» поперся, — ничего». Ирония судьбы — шли на «передок» мы, а две гранаты прилетели к ним.

Тогда — а это было уже почти десять лет назад — я навсегда для себя понял, что решения, кто будет жив, а кто нет, кто будет ранен, а кто невредим, в самой высокой небесной инстанции принимаются по каким-то совсем другим, не постижимым нами критериям. Простая логика — «сиди в сторонке, и все будет хорошо» — не работает.

Часто бывает наоборот: кто идет вперед — живой, невредимый, а кто пытался отсидеться — убит или ранен.

Можно бояться, можно не бояться — это уже индивидуально, люди бывают разные, и за это я не возьмусь их судить. А вот то, что нужно верить в себя и делать то, что должен, — это я знаю точно.

— Запоминайте пароль для блокпостов и патрулей. На сегодня до пятнадцати ноль-ноль — «Мария», после до трех ночи — «Елена». «Предупреждение» и время пролета над нами натовских разведывательных спутников дам вечером. Получше дома для вас нет, только этот — заброшенный, пока уж здесь обустраивайтесь. — На последней фразе в голосе отвечавшего за работу на новой территории послышались сочувствующие нотки.

Он продолжал:

— За продуктами ходите одетыми по гражданке, на машине старайтесь не отсвечивать, в случае остановки заезжайте под навесы, деревья, вставайте в гаражи, чтобы сверху видно не было. Ну и ждунов здесь достаточно — они тоже могут на вас навести. Недавно здесь встала колонна, стояли больше часа. Эти дебилы поставили машины друг около друга. Ну и, конечно, американский «хаймарс» с кассетами прилетел. Посекло парней сильно. Уже вроде все знают — не надо лишний раз колоннами ездить, не надо кучковаться, не надо вставать близко друг от друга. Так нет, всегда найдется такой долбодоб, как тот, кто их вместе поставил на главной дороге в центре. Их и срисовали.

Я подумал, что за время своего участия в СВО слышал такие истории уже далеко не один и даже не десяток раз. И каждый раз грубое слово по отношению к тем, кто так себя вел, было оправданно: за чью-то небрежность парни платили своими жизнями.

Наша охота за немецкой РЛС COBRA продолжалась. За прошедшее время наша радиоэлектронная разведка засекала ее почти каждый день, но каждый раз наши «птички» были слишком далеко — она успевала свернуться, пока мы летели. Командованием было принято решение переместить несколько расчетов ближе к линии боевого соприкосновения. Ближе к противнику — меньше подлетное время, меньше подлетное время — больше можешь находиться в воздухе, больше можешь находиться в воздухе — больше вероятность найти и поразить цель.

В этот населенный пункт мы заходили, когда начинало вечереть, стелился туман, а затем, на нашу радость, пошел и дождь. Это было идеальное «окно» — в дождь беспилотники летают меньше, а в туман им меньше видно сверху. К тому же именно в это время «дневные» камеры заменяют на «ночные» — «птички» противника на земле, а не в небе.

Когда мы уже подъезжали к новому месту, перед нами на дороге туман стал сгущаться и краснеть. Демонический оттенок происходящего стал еще больше, когда в

тумане появились два блуждающих красных глаза. Пока мы объезжали ямы от обстрелов по дороге, эти красные глаза медленно, но неотвратно приближались к нам. Каждый из нас задумался: что же это за место, куда мы едем? Что за адский туман?

В романах бы написали, что в этот момент мы сжали оружие в наших руках. Автомат в руках действительно придает уверенности. Но на этот раз наше личное оружие так и лежало на месте. Инфернальный туман нас волновал намного меньше, чем вероятный обстрел со стороны противника.

Через пару минут мы увидели зеленую военную «буханку» — ее фары были закрыты красной пленкой. Она медленно объезжала ямы от обстрелов и двигалась в нашем направлении. Это изделие ульяновского автозавода и было теми адскими глазами, которые мы видели в красном тумане.

Уже вечером, когда мы разместились, нам переслали «Предупреждение» — информацию, полученную по данным радиоперехватов противника. В ней были координаты наших военных объектов, местоположение которых выявил противник. В этом перечне мы искали все, что заканчивалось словом «БПЛА», — это напрямую касалось нас. Теперь надо оперативно проверить координаты. Наш расчет или чужой? Наше подразделение или нет? Если координаты наши, надо менять дислокацию. Тут не угадаешь — может, через десять минут ракета прилетит, а может, у нас еще есть несколько дней. Но если в списке твои координаты — бессмысленно испытывать судьбу никто не будет и надо быстро перемещаться. В этот раз координаты оказались не наши — они показывали на близлежащие населенные пункты. Искать никого было не надо — «соседи», попавшие в список целей врага, тоже прочитали «Предупреждение», проверили координаты, нашли себя и уже поменяли место расположения.

Наша наземная станция управления располагалась в заброшенном сельском доме, в котором уже давно не было хозяев. На окна в качестве светозатемнения мы прибили одеяла — с улицы не было видно, что там находятся люди. Антенны системы управления «птичкой» мы разместили на расстоянии в несколько сот метров от импровизированной операторской. Радиоэлектронная разведка противника с натовской аппаратурой могла засечь наши сигналы, после чего стоило ждать в гости «хаймеры». Нет смысла упоминать, чтобы было бы с нами, если бы мы находились вместе с антеннами.

Перемещение ближе к линии боевого соприкосновения сыграло свою роль — нам даже несколько раз удалось обнаружить немецкую РЛС. К сожалению, это было перед самым прекращением ее работы и наши средства огневого поражения все равно не успевали.

Именно Волонтер предложил то, что он назвал «охота по-научному». Начали с изучения рельефа — при всех своих технологиях обмануть рельеф и законы распространения радиоволн «немцы» не могли. Было ясно, что их РЛС стоит там, где радиоволны легче достигать позиций нашей артиллерии. Ясно было и то, что немцы не будут стоять в низинах или за горами — тогда ее обзор будет хуже. Затем места и время появления COBRA стали фиксироваться на общей для всех расчетов цифровой карте. Помечались и все расчищенные лесопосадки, в которых могли быть подготовлены места для ее работы. И тех и других было несколько десятков, и теперь, выполняя другие задания, наши «птички» залетали по дороге и на их разведку. Было понятно, что рано

или поздно «немцы» начнут использовать места работы по второму разу. Но самое главное, что под эту задачу было согласовано использование оперативно-тактических ракет «Искандер». Наш беспилотник, радиоэлектронная разведка и расчет с ракетами превращались в импровизированный целевой разведывательно-ударный комплекс.

Кроме охоты на немецкую РЛС COBRA расчет беспилотной авиации ежедневно летал на самые разные задания — выявляли цели, вели корректирование огня, фиксировали огневое поражение, а по вечерам проверяли, не находимся ли мы в списках украинских целей в «Предупреждении». Иногда оно дополнялось информацией об украинских ДРГ:

«В районе... работает диверсионно-разведывательная группа противника численностью до пяти человек. Передвигается на машине УАЗ «Патриот» темного цвета. Предъявляет боевое распоряжение воинской части... Группа оснащена стрелковым вооружением. При задержании проявлять осторожность».

В один из таких дней, когда Волонтер вел беспилотник далеко над территорией противника, наша радиоэлектронная разведка переслала нам информацию о начале работы немецкой РЛС и примерный квадрат ее нахождения. В этом районе на карты всех расчетов уже были занесены оборудованные для нее позиции, и вероятность того, что она будет их снова использовать, была высока. Оставалось только проверить.

Ближайшие к нам места расположения оказались пустыми. До следующего было не меньше двадцати минут лета. Напряжение нарастало. Неужели снова упустим?

— Сколько уже работает? — спросил Волонтер. Всем было понятно, что речь идет о времени с момента начала работы немецкой РЛС.

Сеня тревожно сгущал краски:

— Еще двадцать малых — и снимется. Не успеваем долететь. Опять упустим. И заряду аккумулятора конец приходит.

Все понимали, что мы опять не успеваем, но Волонтера было не так просто заставить смириться с проигрышем:

— Пробьемся. Ищи мне попутный ветер по метеопрогнозу. На всех высотах. Чтобы этот ветер помог и до цели долететь, и домой.

Через пару минут мы снизились до километра, где попутный северо-западный ветер уже разгонял «птичку» на пути к цели. А через десяток минут в «ночную» камеру мы уже увидели стоящую в лесополосе машину сопровождения и саму установку, а на ней — светящееся пятно. Оно было направлено прямо на нашу территорию. Мы взяли ее теплой — как по ее неготовности к нашему визиту, так и по температуре ее антенны.

— РЛС COBRA наблюдаю, объект идентифицирован, X = 5184018, Y = 6463959. — Волонтер доложил в штаб. Убедившись по пришедшим фотографиям, что это действительно то, за чем мы все вместе столько охотились, из штаба прислали ответ:

— Наблюдайте, десять малых.

Через пять минут мы увидели ракету. Точнее, не ее, а результат ее применения — скорость оперативно-тактической ракеты «Искандер» слишком велика для наблюдения. Белое озеро взрыва, которое мы видели через «ночную» камеру, поглотило и немецкую РЛС, и машину сопровождения. Немецкие десятки миллионов евро вылетели в трубу, а ВСУ потеряли свою самую современную станцию контрбатарейной борьбы. Задача была выполнена.

— Сеня, по-братски, веди «птичку» домой, а я чуть передохну, послушаю музыку. Немец гуд-бай, — резюмировал он на современный манер. Волонтер включил музыку на компьютере — он был любителем старого западного рока, но в компьютере по странной случайности запел Джон Леннон с песней Imagine, в переводе на русский «Представь».

Кумир прошлых поколений пел: «Представь, что нет стран», «Мир станет одним целым», «Представь, что нет рая и ада», «Представь, что все люди живут сегодняшним днем», «Нет ничего, за что можно было бы умирать».

Эту мелодию я слышал десятки раз, но сейчас она вызывала во мне особенное отторжение — я не был согласен ни с чем из того, о чем в ней пелось. Я не хочу жить в мире, где нет России и нашего народа. Я не хочу, чтобы исчезли другие страны, а мир превратился в одно навязанное всем целое — где же в нем тогда свобода? Мир без рая и ада — это мир безнаказанности, мир без воздаяния и за зло, и за добро, мир, в котором «нет Бога, значит, все дозволено», как писал Федор Достоевский. Я не хочу и того, чтобы люди подобно животным существовали без смысла.

Я и сотни тысяч моих боевых товарищей дышим на СВО полной грудью. Мы знаем, за что стоит умирать. Мы знаем, за что стоит жить.